

Мы придем на Ваганьково

10 лет назад, в июле 1980 года,
Москва прощалась с Владимиром Высоцким

25 июля 1980 года в квартире на Малой Грузинской в четыре часа десять минут утра остановилось сердце Владимира Высоцкого. Остановились навсегда и старинные настенные часы, дрогнув стрелками. Ну а наши часы продолжали идти вперед — и мы всегда знали, чьи удары сердца подгоняли их, когда страх останавливал время. И потому, когда холеные дяди говорят нам о том, что перемены, называемые перестройкой, начались сверху, мы смеемся у себя «внизу» и можем этих дяденек спросить: а Высоцкий? а Шукшин? а Сахаров? С ним ОНИ ничего сделать не смогли. Но самое поразительное в другом: и с нами ОНИ ничего сделать не смогли, хотя он хрипел, а мы молчали. Но в каждом из нас уже было несколько «единиц Высоцкого» — ведь он был величиной энергетической, — и в каждом уже было сколько-нибудь своих единиц сопротивления после хриплого рыка, вытаскивающего тебя за шкуру: «Вытащить сукина сына — или, там, сукину дочь!» И вот 28 июля 1980 года впередсмотрящие недосмотрели за нами, сукиными детьми, которых они щедро швыряли за борт: в этот день на Таганской площади собралось почти 400 тысяч человек — столько же, сколько на недавнем московском митинге, июльском митинге 1990 года. И может быть, прощание с Высоцким и было первым народным митингом, хоть и митингом молчаливым, — но мы тогда об этом не догадались? И может быть, Таганская площадь и была первой площадью перестройки — ведь именно там был сделан первый шаг молчащего народа, сказавшего свое слово и в полной тишине: безмолвствовали газеты, радио, телевидение, не было ни извещений, ни некрологов (власти не о чем было скорбеть).

В эпоху гласности, стремительно ставшей эпохой безопасной говорильни, мы лучше понимаем мужество июля 1980-го, когда молчание было и вызовом, и поступком. И такой поступок совершила Москва, Россия, а потом и вся страна: очередь «к Высоцкому» на Таганке превратилась потом в очередь на Ваганьково, а та — в космическую очередь длиной в целое десятилетие! Менялись люди и поколения, но стойкая цепочка уважающего себя человеческого братства оставалась неразрывной.

Это, пожалуй, единственная наша очередь, которой мы можем гордиться. Она — наше национальное достоинство, такое же, как парад сорок пятого или ноябрь сорок первого, да не покажется кому-либо это сравнение «слишком»: она — тоже символ того пограничного времени, когда важно было жить на пределе, собравшись в кулак, чтобы не утратить окончательно свое человеческое и национальное достоинство. Эта очередь — не безликая и серая «масса», в ней нет унижения и будничной злости: вы тут не стояли! Раз пришли — значит, стояли всегда. Ни сытых, ни холеных вы тут никогда не увидите — они не привыкли стоять в очередях, — здесь сплошной пролетариат со всей страны, объединившийся вокруг хриплого голоса. Это, если хотите, и толпа — но не та толпа, с которой можно сделать все, что угодно: в ней нет ни погромщиков, ни убийц, ни

насилльников, ни лицемеров. И хотя приходящие сюда, безусловно, не ангелы, как не был ангелом и тот, к которому мы приходим, но здесь всегда — люди и лица. Эта — та самая толпа, только обросшая новыми поколениями, которая стояла на Таганской площади 28 июля 1980 года: стояла ночь, оберегая поминальные свечи, и стояла день, оберегая от палящего солнца цветы. С такой толпой сделать ничего нельзя.

...Как мешает этот мертвый памятник на могиле того, кто не умер, — просто он в какой-то затяжной небесной командировке и шпарит тамошним морякам или летчикам «Человек за бортом» или «Мои похороны» с неизменной веселой репликой: «Жалко, что ушла девушка!» И там тоже раздается смех, похожий на земной быстрый летний дождь, и аплодисменты, похожие на шорох мощного океана, который старые, заклеенные пленки на древних колесах тогдашних магнитофонов разносили по всей стране — сегодняшние пластинки в подметки не годятся старым пленкам: у них нет воспоминаний, у них нет мужества жить. Жить, оставаясь самим собой, доказывая, что в любых обстоятельствах есть выбор: быть человеком — или той самой четвертой буквой алфавита, после которой в возвышенной литературе ставят многоточие...

Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие — как часовые... Высоцкий никогда не оставлял нас один на один с жизнью, он был спасателем. Здесь, среди цветов, я увидела однажды гитару, тельняшку и огромный конверт с надписью: «В. ВЫСОЦКОМУ». Как вы понимаете, мертвым тельняшки не дарят — они им ни к чему, да и писем им тоже не пишут — их еще и не каждому живому отошлют, в таком-то конверте. Да и сам — вот же он, хрипит и шутит напротив собственной могилы, против всех правил и ритуалов, — и люди невольно смеются тоже против всех правил, а попробуй тут не смеяться, когда жена опять отписывает мужу свои высоконравственные мучения: «Еле-еле не далась — до сих пор дрожу...», ну, а про бычка, про агронома с председателем вы и сами все наизусть знаете. И в этой июльской очереди, в которой положено благоговейно молчать, тоже все не по правилам — и говорят о нем, как о живом, и слова в прошедшем времени вдруг обозначают время настоящее. Но у жизни — своя грамматика, как у судьбы Высоцкого, и разгорается вдруг совсем не смиренный разговор.

— А Высоцкий бы сейчас уехал? — спрашивает у всех сразу парень в очках.

— Да вы что! — возмущается маленькая женщина с букетиком цветов, бывшая издаека. — И не собирался, даже в самые трудные времена не собирался!

— У нас всегда времена трудные, — многозначительно говорит интеллигентный старичок, — у нас других просто не водится.

— Тогда не собирался, а сейчас собрался бы! — настаивает на своем парень. — Понял бы, что ждать нечего, что все это говорильня, — и уехал бы. Ох уж он про эту перестройку и написал бы! Такое бы написал!

— Написать бы написал, — не отступала ни на шаг маленькая женщина, — а уехать — никогда! Что ему было там делать? И что бы мы без него делали здесь?

Молодой человек замолчал, все другие дружно кивнули — и у маленькой женщины осталась после этой победы одна забота: как бы цветы не завяли! — а то черт-те откуда приехать к Высоцкому в Москву, выстоять очередь — и подойти с такими цветами?! И действительно, что бы мы делали здесь, на этой земле, без него? И что он делает без нас ТАМ?

Часы наши продолжают идти, стрелки продолжают свой бег, но мы всегда знали, чьи удары сердца подгоняли их вперед, когда страх останавливал время. Мы придем на Ваганьково.

Наталья Айрапетова.

